

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

IX. Фильмы и мифы

Воздух наполнился слухами.

И. Бродский

Жрецы Холокоста, конечно же, знали девиз Владимира Ильича Ленина о том, что для масс «важнейшим искусством является кино».

Раскрутка мистерии Холокоста и началась в 60–70-е годы XX века именно в этом жанре. В талантливом фильме «Ночь и туман» Алена Ренэ, по словам Роже Гароди, «всё искажается и становится неестественным, когда в нём произвольно говорится о 8 миллионах евреев, убитых в одном Освенциме».

Гароди вспоминает и другие сериалы, заполонившие экраны Америки: «Сколько раз нам прокручивали «Исход», «Холокост», «Шоа» и прочие киноро-маны. Каждую неделю слезоточивые картины навязывают наши экраны»; «Фильм «Шоа» Ланцмана на протяжении 9 часов навязывает нам через образы каменных стен и нескончаемых железнодорожных конвоев <...> свидетельства вроде рассказа парикмахера из Треблинки, который уместил на площади 16 квадратных метров 60 женщин и 16 парикмахеров»; «Менахем Бегин выделил на фильм «Шоа» 850 000 долларов, как на «проект, имеющий национальное значение»; «Один из фильмов, внёсших наибольший вклад в манипуляцию мировым общественным мнением, телефильм «Холокост», является преступлением против исторической истины»...

... После целого половодья подобных фильмов в 90-х годах прошлого века бестселлером Холокоста стал фильм «Список Шиндлера», о котором социолог и публицист С. Кара-Мурза отозвался так: «В стремлении вбить клин между русскими и евреями пресса раздула совсем уж неприличную кампанию вокруг посредственного фильма «Список Шиндлера». Смысл был в том, чтобы заместить образом бонвивана Шиндлера в нашей исторической памяти подвиг тысяч и тысяч советских людей, которые в оккупации прятали у себя евреев и шли на виселицу <...> Всемирно-исторической фигурой сделан не белорусский колхозник, а Шиндлер, сколотивший на труде заключённых евреев крупный капитал и живший среди женского персонала, как петух в курятнике. Напор, с которым подавался этот фильм во всём мире, перешёл все границы, и в западной прессе было сделано уточнение: Шиндлер был агентом гестапо и всё делал в рамках согласованной акции. Бежать на Запад ему пришлось от советских войск, ввиду неминуемого наказания за его акции в концлагерях» («НС», № 1, 1997 г., стр. 219).

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3 за 2010 год.

В 2008 году волна фильмов о еврейской катастрофе по-настоящему накрыла и российское телевидение.

В первую очередь надо вспомнить супермногосерийный и чрезвычайно скучный фильм “Тяжёлый песок” по роману А. Рыбакова; в Голливуде снимается, как сообщает бюллетень “Холокост” (№ 2, 2007 г.) экранизация по роману Анатолия Кузнецова “Бабий яр”; в России по ТВ показан новый фильм Эльдара Рязанова “Андерсен. Жизнь без любви”, о котором в том же номере бюллетеня сказано, что “главная идея картины – борьба с антисемитизмом; герой страстно защищает друзей-евреев, а, перенесясь в будущее, спасает датских иудеев от Холокоста”.

В начале 2008 года нам показали по ТВ многосерийный фильм о том, как молодой австриец Адольф Шикльгрубер, разыграв антисемитскую карту, становится Адольфом Гитлером. Далее следовала киноэпопея о Мюнхенском пивном путче, потом о Хрустальной ночи 1938 года. Конечно, мелькнули на экране сюжеты об Анне Франк, а однажды глубокой ночью ТВ запустило фильм о таинственной конференции в пригороде Берлина Ванзее, на которой под руководством Гейдриха был якобы разработан план по “уничтожению европейского еврейства”. О чём на самом деле шла речь в компании высших чиновников рейха в Ванзее, до сих пор неизвестно, на Нюрнбергском процессе зачитывался какой-то текст машинописной копии, выдаваемой за протокол конференции. Но об этом тексте сами еврейские историки впоследствии отзывались весьма неуважительно.

Из книги Роже Гароди “Основополагающие мифы израильской политики”: “Ванзейский протокол – это отчёт о конференции, которая состоялась 20 января 1942 года. <...> Речь идёт о тексте, в котором нет ни слова ни о газовых камерах, ни об истреблении, а только о депортации евреев на Восток Европы <...> Этот отчёт имеет, кроме того, все характерные черты апокрифа, если рассмотреть фотокопию, опубликованную в книге Роберта Кемпнера “Эйхман и сообщники”: ни печати, ни даты, ни подписи, шрифт обычной пишущей машинки для печати уменьшенного формата. В любом случае, в нём ничего нет о газовых камерах.

Во французском переводе, например, слова “вытеснение евреев из жизненного пространства немецкого народа” переведены как “устранение евреев” с комментарием, что слово “устранение” означает “уничтожение”... Тот же фокус был проделан в английском и русском переводах”...

“Ванзейская конференция 20 января 1942 года, на которой, как утверждают уже более 30 лет, якобы принято решение об “уничтожении” европейских евреев, начиная с 1984 года исчезла из писаний даже самых рьяных врагов “ревизионизма”... “В этом пункте даже им пришлось ревизовать свою историю: на конгрессе в Штутгарте в мае 1984 г. эта “интерпретация” была выведена из употребления”. (Источник: Эберхорд Яккель и Юрген Ровер. Убийство евреев во время Второй мировой войны. DVA, 1985, стр. 67.)

“20 января в Берлине состоялась Ванзейская конференция. Хотя предусматривалась акция “вытеснения” евреев на Восток с упоминанием о “естественном” отборе в процессе труда, никто не говорил о промышленной ликвидации. В последующие дни и недели не было ни звонка, ни телеграммы, ни письма в строительное управление Освенцима по поводу установок, предназначенных для этой цели”.

Даже в своей итоговой хронологии Клод Прессак пишет рядом с датой 20 января 1942 г.: “Ванзейская конференция о вытеснении евреев на Восток”, стр. 114. Таким образом вместо “уничтожения” речь идёт о “вытеснении”.

Из сохранившихся листов протокола Ванзейской конференции: **“В ходе окончательного решения евреи будут направлены на Восток для использования их труда. Женщины будут отделены от мужчин. Евреи, способные работать, будут направлены большими колониями в районы, где производятся крупномасштабные работы, на строительство дорог, и, вследствие этого, несомненно, большое число погибнет в результате естественного отбора.**

Те, что в конце концов останутся и, несомненно, будут представлять собой самый сильный элемент, заслуживают соответствующего обращения, так как они являются результатом естественного отбора, и их освобождение должно рассматриваться, как появление зародыша нового еврейского движения (как показывает исторический опыт)”. Роже Гаро-

ди в своей книге “Основополагающие мифы израильской политики” приводит множество документов, доказывающих, что под “окончательным решением еврейского вопроса” нацисты понимали изгнание, вытеснение, выселение европейских евреев из Европы.

“Поражение Франции открыло перед нацистами новые перспективы. Для окончательного решения еврейского вопроса можно было использовать французскую колониальную империю. После перемирия, заключённого в июне 1940 года, возникла идея высылки всех евреев на Мадагаскар. В мае 1940 года Гиммлер в докладной записке, озаглавленной “Несколько мыслей об обращении с враждебными лицами на Востоке”, писал: “Я надеюсь, что все упоминания о евреях будут окончательно вычеркнуты после эвакуации всех евреев в Африку или в колонии”.

Но “Мадагаскарский проект” был временно отложен, так как **“война против Советского Союза позволила нам располагать новыми территориями для окончательного решения. Вследствие этого фюрер решил изгнать евреев не на Мадагаскар, а на Восток”** (А. Гитлер. Монологи. 1941–1944. Изд. Альбрехт Краус. Гамбург 1980 г.).

Но история есть история, документ – есть документ, а фильм есть художественное произведение, опирающееся на сценарий, на сочинённые диалоги, на игру актёров, выполняющих то или иное идеологическое задание.

Актёры телефильма о Ванзейской конференции (почему-то показанного глубокой ночью), играющие Гейдриха, Эйхмана, главного прокурора гитлеровского рейха, офицеров СС, нацистских юристов – авторов нюрнбергских расовых законов, в своих диалогах убеждают друг друга в необходимости уничтожения европейского еврейства. Но нельзя при этом забывать, что такого рода разговоры Гейдриха с Эйхманом имеют историческую основу не большую, нежели разговоры Артаксеркса с Аманом или Эсфири с Мордехаем из книги “Эсфирь”.

Однако следующий, тоже якобы документальный фильм, показанный по российскому ТВ в том же 2008 году, – переплюнул по грандиозности замысла ванзейскую “художественную” стряпню и был посвящён уже абсолютно легендарному сюжету – плану сталинской депортации в 1953 году всех евреев Советского Союза в концентрационные лагеря Сибири и Дальнего Востока.

В ночь с 25 на 26 марта 2008 года по программе “Культура” был показан фильм о подготовке этого преступления. Автором и комментатором фильма был известный советский журналист, пребывающий ныне в Англии, Аркадий Ваксберг.

Сначала в фильме зашла речь о таинственном письме в “Правду”, осуждающем “врачей-отравителей”. Письмо это, по словам Ваксберга, согласно воле Сталина должны были подписать известные еврейские писатели и общественные деятели. Голос Ваксберга вещал с экрана о том, как отнеслись советские евреи к письму.

“Маргарита Алигер рассказала мне: “Было очень страшно, я безропотно подписала это письмо”.

Понятно, почему именно М. Алигер было предложено поставить свою подпись под письмом: с 1937 по 1953 годы она внесла огромный вклад в поэтическую Сталиниану. Открываешь любую её книгу тех лет и читаешь: “приезжай, товарищ Сталин, приезжай, отец родной”, “гул сталинских животворящих лет”, “зашумит словно море кремлёвский дворец – это встретит вождя Девятнадцатый съезд”, “Ленинские горы, Сталинские годы, Коммунизма ранний, ранний час” и т. д. и т. п. без конца. Конечно, тут подпишешь безропотно.

Павел Антокольский: “Подписной лист сначала подписал я, потом Гроссман, – я знаю теперь, что чувствует кролик перед удавом”. А куда было деваться Павлу Григорьевичу, лауреату Сталинской премии, если он в 1937 году сочинил от сердца стихотворную книгу “Ненависть”, воспевающую “сталинские репрессии”? Сталинские чиновники, конечно же, знали, кому предложить этот документ на подпись. И в Гроссмане, тоже официальном писателе 30-х годов, прославившем в книге “За правое дело” и Сталина, и советскую власть, и нашу победу, они, видимо, не сомневались.

А кстати, можно было и отказаться, как отказался подписать письмо Лазарь Каганович или Вениамин Каверин: “Я сообщил Хавенсону (журналист, сборщик подписей. – Ст. К.) по телефону, что письмо подписывать не буду”. Конечно, это могло вызвать недовольство у функционеров, собиравших подписи, но за это не арестовывали, не пытали и на Колыму не ссылали. Каверин, не самый знаменитый и храбрый среди писателей, почему-то не почувств-

вовал себя “кроликом перед удавом”. Кстати, и Леонид Леонов в 1934 году, когда Генрих Ягода собирал писательскую компанию для поездки на Беломорканал для создания культурной чекистской книги о строительстве, отказался от этой поездки, и ничего с ним не случилось. А почти все остальные, кто согласились, через три года в 1937-м охотно давали согласие подписать любые письма. Главное ведь в том, чтобы публично согрешить один раз, а дальше легче: “ещё раз, ещё раз, ещё много-много раз...”

Однако фильм о депортации продолжался, и А. Ваксберг продолжал вещать “закадровым голосом”:

“Евгений Долматовский рассказывал: “Мне звонил Давид Заславский, требовал подписать письмо”. И Давид Заславский знал, кому звонить, поскольку всем было известно, что в 1937 году молодой поэт Долматовский публично отказался от своего отца – “врага народа”.

“Марк Рейзен вспоминает так: “Ну было какое-то собрание. Надо исполнить свой гражданский долг”. И знаменитого певца Рейзена тоже можно было понять: в предвоенные годы он был основным исполнителем знаменитой песни “Широка страна моя родная” со словами: “золотыми буквами мы пишем всенародный сталинский закон”. А музыку к гимну “Широка страна моя родная” написал Дунаевский, естественно, он не мог не “засветиться” на подписном листке обращения в редакцию “Правды”, на котором, как пишет историк Г. В. Костырченко, “имеются оригинальные автографы С. Я. Маршака, В. С. Гроссмана, М. О. Рейзена, М. И. Ромма, Л. Д. Ландау, И. О. Дунаевского и многих других видных деятелей еврейского происхождения” (стр. 681). Одним из последних на листе расписался И. Эренбург. Впрочем, “подписантов”, если бы власти того пожелали, могло быть много больше из числа рьяно присягнувших на верность режиму в 1937 году.

Много лет назад, просмотрев подписку “ЛГ” за 1937 год, я сделал перечень известных писателей, так или иначе откликнувшихся на политические процессы эпохи.

Из “Литературной газеты” № 33, 1937: “Высшая мораль революции в том, чтобы враги народа, подло предающие его интересы, были начисто уничтожены”... “Только на днях вся страна с яростью и гневом узнала о преступлениях подлейшей банды долго маскировавшихся шпионов, фашистских наёмников – Тухачевского, Уборевича, Корка и других мерзавцев”. “Другие мерзавцы” – это высшие военные чины еврейского происхождения – Иона Якир и Фельдман. Заклеймил их в “ЛГ” известный литератор той эпохи Яков Эйдельман, отец не менее известного литературоведа горбачёвской эпохи Натана Эйдельмана.

Подшивка “Литературной газеты” за 1937 г., номера 32 и 33. Заголовки откликов: “Мы требуем расстрела шпионов”, “Не дадим житья врагам Советского Союза” и другие короткие проклятья, подписанные не от имени каких-то заводских и фабричных коллективов, и не какими-то неизвестными “шариковыми”, а Пастернаком, Сельвинским, Кассилем, Габриловичем, Л. Никулиным... Среди проклинаемых имён “врагов народа” В. Киршон. Опять одни евреи топили других евреев. По приказу или по совести? Или от страха иудейска? Не знаю.

В “Литературке” от 1 февраля 1937 г. опубликован приговор по делу “Пятакова, Сокольников, Радека”, и тут же стихотворный отклик Михаила Голодного-Эпштейна: “Нет, ты его настигнешь, кара”. П. Антокольский тоже ставит свою подпись рядом с Михаилом Голодным.

В этих же уникальных январско-февральских номерах 1937 года с проклятиями и требованиями “уничтожить” “убийц, шпионов, фашистских выкормышей” выступили писатели Р. Фраерман, В. Инбер, Л. Никулин, А. Безыменский (со стихами!). Здесь же Юрий Тынянов, а рядом с ним стихи Переца Маркиша в косноязычном переводе Д. Бродского:

*Их судит трибунал с презрением во взоре,
И весь народ гремит из края в край;
Ни капли милости взбешённой волчьей своре —
Пусть сгинут! Никому пощады не давай!*

В 1952 году в числе репрессированных членов Еврейского антифашистского комитета был и Перец Маркиш. Вспомнил ли он перед тем, как “сгинуть”, свои стихи пятнадцатилетней давности? Подпись поставить от страха – дело простое. А вот стихи написать – тут нужно вдохновение.

Еврей-чекисты арестовывали евреев-политиков, еврей-поэт написал о врагах народа стихотворенье, еврей-переводчик перевёл его на русский язык, еврей – ответственный редактор (Л. Субоцкий) опубликовал их в “Литгазете”. А сейчас всё это называется иногда государственным, иногда сталинским и даже русским антисемитизмом и черносотенством.

А чьими фамилиями подписаны (“ЛГ” от 26. I. 1937) писательские отклики на процесс антисоветского троцкистского центра? Ю. Олеша – “Перед судом истории”, И. Бабель, щеголювший знанием Достоевского, – “Ложь, предательство, смердяковщина”, М. Козаков (отец нынешнего актёра М. Козакова)¹ – “Шакалы”, два брата – М. Ильин и С. Маршак – “Путь в гестапо”, В. Шкловский – “Эпилог”, Д. Алтаузен – “Пощады нет!” и, конечно же, неутомимый Безыменский – “Наш вердикт”, стихотворенье, начинающееся словами: “стереть их всех с лица земли”. А ещё Г. Шторм, Г. Фиш, К. Финн, Л. Славин, А. Гурвич, Л. Войтинская и т. д. и т. п.

Ну как же нынешним еврейским историкам при воспоминании об этом феноменальном позоре не выходить из себя, не впадать в истерику? Как объяснить эту эпидемию коллективного помешательства “интеллектуальной элиты”? Слепой верой в Сталина? – но все подписанты, можно сказать, не дураки. После XX съезда они сразу поумнели. Животным страхом перед Гитлером, перед ужасом грядущей войны? Или просто чувством коллективного советского патриотизма, захлестнувшего всё общество в ту эпоху?

А если даже Сталин, как коварный политик, их переиграл и заставил своими руками уничтожать своих же соплеменников, то на кого спустя 70 лет писать жалобу? На антисемитов? А может быть, всё происшедшее есть свойство еврейского менталитета, о котором американский историк Норман Финкельштейн писал в книге “Индустрия Холокоста”:

“Так же, как многие евреи дистанцировались от Израиля, пока он был для них обузой, и снова стали сионистами, когда он обрёл ценность, дистанцировались они и от своей этнической принадлежности, пока она была обузой, и снова стали евреями, когда это стало выгодно” (стр. 27).

Поэтому не надо лукавить, что наши писатели той эпохи были не евреями, а просто советскими людьми или всего лишь навсего коммунистами безо всякой национальности. Конечно, в списке подписантов есть и русские фамилии, но их значительно меньше, нежели еврейских. А фамилии Симонова, Твардовского, Шолохова, Заболоцкого, В. Шишкова, Серафимовича, Гладкова не встречаются ни разу. Может быть, к ним не обращались, сомневались, что они подпишут? Или они себя “кроликами” не чувствовали?.. А может быть, демонстрируя свою лояльность, подписывали только те, кто хотел подписать?

* * *

Тем не менее февральское письмо 1953 года “о деле врачей” с подписным листом, изукрашенным автографами нашей культурной элиты, не было нигде напечатано, поскольку, как предполагает Костырченко, “Сталину не понравился <...> тон письма – чрезмерно резкий, если не сказать кондовый – ибо не способствовал достижению искомой цели: затушевать скандальную агитацию вокруг “дела врачей” в стране и в мире”. “Составление следующего варианта письма, – пишет Костырченко, – было поручено Шепилову, слывшему среди интеллигенции либералом”. Новый шепиловский вариант письма, продолжает историк, “разительно отличался от того, что было раньше. Это была уже не прежняя вульгарная агитка, а вежливое приглашение “вместе... поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев”; “самое главное, уже не выдвигалось никаких требований расправы с “врачами-отравителями”...”; “Можно заключить, что Сталин отказался от намерения провести публичный процесс по “делу врачей” (тем самым автоматически опровергается миф об открытом антисемитском судилище, как сигналу к началу еврейской депортации...)”; “Как известно, обращение к еврейской общественности так и не появилось в печати...”; “Думается, сам Сталин успел до приступа смертельной болезни отвергнуть эту идею, исходя из того соображения, что публикация любой, даже выдержанной в самом оп-

¹ Автор пьесы “Чекисты”, 1939 г.

тимистическом тоне коллективной петиции евреев будет свидетельствовать, что в стране продолжает существовать пресловутый “еврейский вопрос”.

... А на экране между тем мелькали кадры ваксберговского фильма о депортации. Сквозь какие-то апартаменты, похожие на кремлёвские, стремительно проходили актёры, плохо загримированные под Булганина, под Пономаренко и ещё под кого-то, и косноязычно на ходу произносили монологи, видимо, сочинённые Ваксбергом, со словами якобы из воспоминаний, принадлежащих историческим персонажам, которых они изображали. А вещий голос Ваксберга в это время давал дополнительные комментарии, что эти драгоценные воспоминания хранятся где-то в архивах Иерусалима. Все эти тексты перемежались съёмками эшелонов, рельсовых путей, изображением станций, словом, картинками, долженствующими воссоздать правдивую, документальную обстановку депортации евреев неизвестно куда, но в пространство ГУЛАГа...

То ли это Дальний Восток, то ли Северный полюс, то ли Сибирь? А может быть, и Казахстан? Голос Ваксберга возвышался до левитановского пафоса: “Тем временем в Москву по запасным путям шли вагоны, сколачивались бараки”. А дальше он с апокалиптическими интонациями зачитывает слухи, которыми его снабдил Семён Липкин:

“Когда я жил в Киргизии, там жили люди, высланные за свою национальность. Они мне говорили, что на границе с Казахстаном строились бараки для евреев. Я туда поехал и кого-то спросил, что там строят, и кто-то сказал мне: “Это для евреев”... И вот так на протяжении всего этого якобы документального фильма: “я кого-то спросил и кто-то мне ответил”.

В финале фильма шла инсценировка суда над Сталиным, и главный свидетель Булганин (естественно, скверно загримированный под Булганина актёр) говорит суду, что суд над евреями должен был состояться под открытым небом на Красной площади и что Сталин дал ему указание подготовить “800 вагонов для депортации евреев”.

Комментарий Ваксберга, стоящего в кадре на Красной площади на фоне Лобного места:

“Именно здесь вот-вот должно было начаться кровавое действо – суд над врачами-убийцами”. “Гроссман видел ад Трешлипки, и мысль о таком же новом суде убивала его”. (Может быть, поэтому он и подписал черновик письма, осуждающего врачей-евреев?) В последнем кадре Ваксберг появился на экране и скорбно произнёс, что во время этих перевозок эшелоны должны были подвергнуться крушениям, и добавил фразу, которую я успел записать буквально: *“Вот на краю какой пропасти мы когда-то стояли”*...

Миф о депортации – болезненная, но, видимо, хорошо оплачиваемая идея-фикс Ваксберга. Ещё в 1998 году в книге, посвящённой судьбе Лили Брик, он писал: *“13 января 1953 года “Правда” сообщила об аресте “врачей-убийц” и предстоящем суде над “заговорщиками в белых халатах”. Это был предпоследний акт задуманной Сталиным кошмарной мистерии. Последний должно было стать линчевание “убийц” и депортация всех евреев в Сибирь, где им предстояло “искупить свою вину перед советским народом”.*

А вот как кликушествовал в 1990 году о той же мифической депортации известный советский писатель Александр Евсеевич Рекемчук, ещё один из мелких жрецов Холокоста:

“Увы, документами, свидетельствами подтверждено (! – Ст. К.), что 8 марта 1953 года должна была состояться публичная, при стечении десятков тысяч людей, казнь так называемых “врачей-убийц”, в основном еврейской национальности. Вслед за этим планировалась высылка евреев из Москвы, Ленинграда, других центров России в концентрационные лагеря на Дальний Восток. Лагеря были подготовлены, виселицы делались, судилище в московском цирке подготовлено, роли распределены” (“Красноярский комсомолец”, 23.6.1990 г.).

Сколько людей он запугал, сколько душ заставил испытать страх погрома, сколько евреев после прочтения того бреда побежали в иностранные посольства, сколько языков пламени, названного ныне “национальной рознью”, вспыхнуло в обывательских душах! И ничего, прошли годы, старый благостный Рекемчук ходит по Москве, издаёт книги, радуется успехам демократии.

Я помню, как в конце 80-х – начале 90-х годов на одном из писательских собраний Рекемчук появился в проходе Большого зала ЦДЛ, за руку он тащил

полуслепого писателя Валентина Ерашова, только что написавшего роман о сталинской депортации евреев в Сибирь. Рекемчук буквально вытащил несчастного слепца, ныне совершенно забытого писателя, на трибуну с криком:

– Дайте ему слово! Он сейчас нам расскажет, как готовилось это преступление!

И Валентин Ерашов с чёрной повязкой на глазах забормотал что-то несусветное, пересказывая содержание своего убогого политического детектива, который вскоре был издан в издательстве “ПИК” неслыханным тиражом в 300 тысяч экземпляров. Вот несколько отрывков из этого эпохального сочинения, которое предварено следующим авторским предисловием: “Это повествование построено и на доступных автору документах, и на опубликованных материалах, и на собственных воспоминаниях, и на рассказах очевидцев, и частично на ходивших в ту пору и впоследствии разговорах. Описанное в хронике – было или – могло быть. Домысел автора – в рамках и пределах допустимого законами литературы.”

События, составляющие ядро и суть произведения, были действительно запланированы и, вероятнее всего, осуществились бы, не помешай тому кончина Вождя.

Основные исторические фигуры реальны. Те, кому предстояло быть исполнителями, – обозначены условно, по роду занятий. Фамилии жертв – из уважения к их страданиям и памяти – изменены. В хронику введена семья, имеющая реальный прототип. Некоторые статисты кровавого спектакля оставлены анонимными”.

Ну как после этого не верить автору? “Документы”, “собственные воспоминания”, “рассказы очевидцев”, “реальные прототипы”.

Книга начинается с внутреннего монолога Сталина, коварно размышляющего о том, как поставить для народа спектакль о врачах-отравителях. . .

“Право же, хорошо, трое русских, а евреев шестеро, пропорция соблюдена, всяк поймёт, что главные – они, однако никто не посмеет сказать, будто идёт антисемитская кампания, – выглядит объективно. И к месту помянуто, что указания получили от еврейского буржуазного националиста Михозэlsa. . . Может, с Михозэlсом поторопились тогда, в сорок восьмом, следовало ожидать, притянуть к делу живым? Ладно, и так сойдёт!”

Далее следует описание строительства лагерей в тайге для приёма депортированных евреев:

“Тайга подвывала, звенела, ухала, лязгала, трещала, гудела, громыхала; над нею витал дым костров, полыхало зарево, должно быть, похожее издали, по ночам, на пожар. Его, наверное, видно было бы с самолётов на многие десятки вёрст окрест, но авиация не появлялась тут никогда.

В тайге – и здесь, за двести километров к северу от Биробиджана, и на восток, по территории, равной примерно Швейцарии, – в этой нетронутой тайге круглыми сутками (ночь – под светом прожекторов и костров) визжали пилы, звенели топоры, ухали падающие деревья, трещали сучья в кострах, громыхали толовые шашки – ими выкорчёвывали пни, взрывали стылую землю под котлованы фундаментов. Тайга пахла смолой, хвоей, свежими опилками, мёрзлой почвой, трудовым потом, дымом костров, баландой, палёной шерстью застигнутого врасплох малого зверья, мясом освежеванных медведей, предназначенных на шашлыки для начальства. Тайга падала ниц безропотно, хотя и не безмолвно, и на её неохватном пространстве, буро-желтоватом (прижельт давали частые здесь лиственницы), если глянуть сверху, обнаружили бы громадные проплешины”.

Строительство целого города, замаскированное под объект БАМа, “лаг-пункт № 28/6”, десятки тысяч заключённых, работники культурно-воспитательной части, инженеры, проектировщики, техники, вольнонаёмные специалисты, администрация, снабженцы, охрана. . . Накладные, документы на стройматериалы, сметы на зарплаты, на содержание громадного строительного коллектива, приказы по ГУЛАГу. . . И куда только все участники и все бумаги этого эпохального строительства подевались после XX съезда? Почему их не нашли в начале 90-х годов, когда столько развелось охотников, ищущих следы сталинских преступлений?

. . . А в ерашовской Москве между тем к высылке всех евреев готовились серьёзно. Даже по всем вузам был разослан приказ (устный или письменный – непонятно) выдавать еврейским выпускникам свободный диплом, – чтобы по-

том после депортации их негде было искать: “На выпускном вечере Майка веселилась пуще всех — у неё тоже был свободный диплом, и никому поначалу в голову не приходило, что такие документы получили, в основном, евреи”. Гласный судебный процесс с привлечением общественности должен был — по “документам”, “доступным автору”, — происходить в московском цирке:

“Далеко за полночь он (Сталин. — **Ст. К.**) вызвал дежурного генерала и приказал тотчас узнать, сколько зрительских мест в цирке. Генерал поднял из постели директора цирка, напугал его до полусмерти, когда назвался, и еле добился ответа.

— Две тысячи сто восемь мест, товарищ Сталин, — доложил генерал.

В половине четвёртого Берию разбудил телефонный звонок. Даже спротонок Берия отличал от прочих звук этого аппарата. Торопясь, он одной рукой взял трубку, а другой одновременно включил ночник...

Итак, завтра должен был начаться процесс. Берия доложил: порядок обеспечен, два дня судовоговения, сотрясения воздушной, задавленные, сломленные пешки станут произносить всё, что им полагается; другие пешки — обвинять, защищать, задавать предусмотренные вопросы; третьи, сидя в обширном помещении цирка, выражать одобрение, даже аплодировать, хотя это и не дозволено по процессуальному кодексу. И, наконец, следующие пешки сдадут в набор заранее подготовленные отчёты, и в субботу страна заплыает гневом, запланированным, отрепетированным, будет единодушно осуждать подлых преступников и кричать евреям то, что и полагается кричать искони...

А вот образ И. Эренбурга, который дожил до глубокой старости, но не оставил об этом времени и о “деле врачей” никаких воспоминаний. Даже после смерти Сталина. За Эренбурга пробел в его жизни заполнил В. Ерашов, избрав разговор писателя с женой: “Сталин распорядился, чтобы я выступил общественным обвинителем в процессе, обвинителем, понимаешь? А эти, — он кивнул на дверь в прихожую, как бы вслед генералам, — объяснили: если откажусь, то немедленно сяду на скамью рядом с врачами, тебя же и дочку — в лагерь пожизненно... Да, да, я согласился, понимаешь, согласился... Но как после такого — жить? А — никак...”

Они приедут за мной к десяти утра, за два часа до процесса... Приедут, ну и что? Что увидят они?..

Жена сидела каменная”.

А Сталин всё никак не может успокоиться, всё думает, как организовать депортацию. В подготовку к ней уже втянуты коллективы автопарков, дворники, участковые милиционеры, железнодорожники, кагэбэшники — десятки (если не сотни!) тысяч людей, а ему всё хочется предельно ужесточить эту гигантскую акцию:

“... Не сажать, а швырять их в грузовики, затыкать оружие глотки, гнать машины по просёлкам, по ухабам, пусть летят через борта, под колёса идущих сзади, пусть корчатся в пыли, в снегу ли, пусть взывают к своему Иегове о помощи, о спасении — пусть взывают к Нему, Великому и Любимому товарищу Сталину, земному Богу, справедливому и милосердному, — ничто не поможет им, обречённым Его волей...”

Потом Сталин передумал. Осуждённых врачей-отравителей решили судить не в цирке, а в Колонном зале Дома Союзов, чтобы после приговора их было удобнее и ближе привезти к месту казни на Красную площадь, где осуждённых уже ждали виселицы:

“Их теперь — без повязок на глазах, но в наручниках — вели знакомыми светлыми коридорами, окна в сборчатых шёлковых шторах, всюду на стенах картины, вдоль стен пуфики, под ногами ковровые дорожки, они шли коридорами Дома Союзов, где были не однажды... Наверное, их решили выводить именно отсюда, чтобы народ видел: здесь их судили... Они шли, как приказано, гуськом, в чёрных балахонах, и у каждого на груди болталась табличка с аккуратными буквами...”

А в это время все русские антисемиты, живущие в коммунальных квартирах или на одних лестничных площадках с евреями, приговорёнными к депортации, потирают руки! Монолог Гали Бугорковой:

“... ну, Цилечка, достучались, пархатые? Пожили в двух комнатах, а мы в одной бедуем, ну вот, попутр вас отсель, на север этот, мы уж всю квартирку займём, ишь, две комнаты у них, да ещё и компот каждый день варите, жиды богатые... Во-во, шифоньерчик переставим к правой стенке, а кровати

в той комнате, да ещё пианина ваша, не повезёте же с собой, пархатые... Отойди, жидовка, не воняй чесноком”.

Книгу эту в 90-е годы евреи передавали из рук в руки. Эмоциональные натуры вроде Нины Горлановой (книга печаталась в Перми!) и Павла Поляна, наверное, с ума сходили, читая эту “чистую правду” в роковое время, когда на улицах бесчинствовала страшная “местечковая память”. Но даже и её “деяния” казались детским лепетом по сравнению с картинами казни евреев на Красной площади.

А каков в “Коридорах смерти” документальный материал – всё подсчитано до одного человека, до одного вагона, вся Москва стояла на ушах – все неевреи готовились внести свою лепту в депортацию евреев:

“Данные, старательно уточнённые при активной помощи стукачей – они имелись в каждом подъезде, гласили: в Москве по состоянию на 24.00 10 марта проживает, включая полукровок, 211.492 еврея, что составляет 67.856 семейств. За вычетом особо тяжело больных, не подлежащих перевозке ввиду близкой смерти, а также другой естественной убыли (например, самоубийств, побегов за пределы столицы, приобретения в милиции за крупную взятку фальшивых документов) предельную цифру определили в двести тысяч (в пути также предусматривалась смертность, особенно младенцев).

Во избежание утечки с полуночи 12 марта при посадке в самолёты, поезда дальнего следования, электрички, пригородные автобусы и даже в малочисленном личном транспорте вводилась поголовная проверка паспортов, предписывалось задерживать всех евреев, а также и подозрительных.

Руководство Московской железной дороги получило распоряжение: на запасных путях, прилегающих ко всем вокзалам столицы – Казанскому, Ленинградскому, Ярославскому, Белорусскому, Киевскому, Павелецкому, Савёловскому, Рижскому, – сосредоточить подвижной состав общим числом в пять тысяч товарных вагонов, переоборудованных в теплушки армейского образца, из расчёта сорок человек на вагон. После загрузки пассажирами предписывалось вывести поезда на Окружную дорогу, откуда с интервалом в десять минут отправлять на Казань, где начальники эшелонов (из воинской охраны) должны были получить указания о дальнейших маршрутах следования”. “Сто десять тысяч – по двое на каждую еврейскую квартиру – сотрудников МГБ и наиболее проверенных кадров милиции (частично пришлось вызвать с периферии) проходили инструктаж в районных отделах госбезопасности”. Возникает вопрос: неужели из этих сотен тысяч людей никто не дождал до хрущёвской “оттепели”, чтобы засвидетельствовать об этой фантастической операции?

... И далее. “Восемь главных осуждённых погрузили на грузовики, где их ждали кагэбешные шофера, которые целых два месяца тренировались, чтобы точно подъехать куда надо, точно погрузить и выгрузить, прямо к эшафоту, ни на йоту не нарушая разработанного Сталиным ритуала казни”.

“Мрачным, молчаливым коридором, с невероятно стремительной медлительностью двигались грузовики – чёрные фигуры, белые таблички на груди каждого. И чекисты в куртках спортивного образца стояли на Лобном месте, ждали, вытянувшись по стойке “смирно”, И такие же, как они, застыли в кузовах грузовиков, рядом с одетыми в балахоны.

Грузовики развернулись, водители тренированно поставили машины – задние борта откинута – впритык к облицовке Лобного места, восьмерым приказали спуститься с подставок и протянули руки, чтобы помочь, никто из восьмёрки не коснулся этих палаческих ладоней.

Они стояли в кузовах, у задних бортов, лицом к автомобильным кабинам, к Мавзолею”.

Какой там Достоевский с “Мёртвым домом”, какой Виктор Гюго с “93-м годом”, какой Александр Дюма, какая там “Капитанская дочка” с казнью Пугачёва, какие там “Протоколы сионских мудрецов”! Вот он, эпос всех времён и народов!

“Чекисты на Лобном месте у столбов с вытянутыми по-гусиному перекладинами отработанным, одновременным движением взяли за петли, протянули таким же курткам в кузовах. И таким же отлаженным, тренированным, синхронным движением те накинули петли на шеи восьмерым.

Барабаны били. Молчала площадь. Молчало радио.

Повинуясь невидимому и неслышному знаку, машины одновременно, плавно, медленно тронулись. Колёса не сделали даже полного оборота, когда натянутые верёвки запрокинули восьмерых назад.

И, как только тела закачались, подпрыгивая ногами, грузовики рванули, сделали чёткий разворот, перестроились в колонну, помчали – мимо храма Василия Блаженного, к Большому Москворецкому мосту.

С трибуны Мавзолея крикнули: “Ура!”

Площадь молчала.

(ну это – явно плагиат: “народ безмолвствует”. – Ст. К.)

.....
Сталин поднялся, разминая затёкшие стариковские ноги, взял телефонную трубку.

– Молодец, – сказал он кратко.

– Спасибо, спасибо, Коба. А что, и в самом деле хорошо сработали!

– Не радуйся, – остудил он Берия. – Работа ещё впереди. . .”

Но тут, как на грех, Сталин помер, и в последнюю секунду его наследники срочно отменили депортацию, хотя паровозы стояли на парах, и лишь один красный экспресс с самыми главными евреями успел отправиться в путь и даже дошёл до Байкала (про него, по версии Ерашова, забыли соратники Сталина, занятые борьбой за власть после смерти вождя), где эшелону на окружной дороге было устроено крушение, подготовленное для всех других, к счастью, не отправившихся в путь, эшелонов такого же рода.

“В 2.00 по московскому времени 14 марта красный экспресс особого назначения, двигаясь строго по установленному для него графику, не сбавляя хода, проследовал через станцию Слюдянка, миновал разъезд Крутой, где машинисту посигналили, что путь свободен, и на прежней скорости промчался дальше.

В 2.02 поезд с налёту выскочил на отрезок пути, разрушенный гебистами, рухнул под откос и почти мгновенно сгорел, поскольку был для пущей надёжности начинён в багажниках под полом вагонов канистрами с бензином”.

Вот настоящий сценарий для Ваксберга, а может быть, для Голливуда или даже для Сокурова! Это вам не “Утомлённые солнцем”!

Адские картинки, неподвластные ни гению Данта, ни перу Солженицына. . . Кошмарные события, рядом с которыми все обвинения сталинских прокуроров в адрес троцкистов, бухаринцев и прочей “антисоветской сволочи”, якобы работающей на японскую, германскую и прочие разведки мира, кажутся детскими шалостями, невинным розыгрышем, забавными политическими капустниками. Я не знаю, еврей Валентин Ерашов или русский. Я не знаю, из благополучной он семьи или из репрессированных. Я точно знаю лишь одно: что он или душевнобольной, или мерзавец, сознательно сочинивший лживую книгу, от которой многие доверчивые евреи (да не только евреи) могли повредиться умом, заболеть манией преследования или более тяжёлой душевной болезнью. А особо впечатлительные натуры могли и покончить с собой.

Вот какую книгу надо было прочитать Нине Горлановой своей младшей доченьке Аглае вместо того, чтобы пугать её какой-то местечковой пермской “Памятью” и рыдать над лужей мочи, оставленной в подъезде бомжами-антисемитами. Вот какие кадры – приговорённых к повешению, бессильно идущих в чёрных одеждах с капюшонами на головах к грузовикам, которые подвезут их под виселицы и по команде, пуская клубы чёрного дыма, рванутся, оставляя бедных евреев в петлях дрыгать ножками, вот какие кадры надо было снять Ваксбергу, а не ряженого Булганина, косноязычно рассказывающего на ходу о сталинском коварном плане. Бесталанный Вы человек, товарищ Ваксберг, по сравнению с Валентином Ерашовым. . . Я думаю, что за эту книгу Ерашова (если он жив) надо было бы судить по 282-й статье за разжигание межнациональной розни. А если его нет в живых, то “Коридоры смерти” должна быть изъята из всех библиотек и сдана в макулатуру. Или сожжена ветеранами общества “Память”. От такого рода сплетен и слухов впала в неврастение даже семья будущего лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского. Вот как он, живя в Америке, вспоминал о зиме 1953 года:

“Воздух наполнился слухами о планируемых в Политбюро репрессиях против евреев, о переселении этих ищущих “пятого пункта” на Дальний Восток, в область, именуемую Биробиджаном <...> По рукам ходило даже письмо со подписью наиболее известных обладателей “пятого пункта” — гроссмейстеров, композиторов и писателей, содержащее просьбу к ЦК и лично к товарищу Сталину разрешить им, евреям, искупить суровым трудом в отдалённых местностях большой вред, причинённый русскому народу. Письмо должно было со дня на день появиться в “Правде” и стать предлогом для депортации <...> Мы готовились к путешествию и уже продали пианино, на котором в нашем семействе всё равно никто не играл”.

Сюжет о пианино, на которое зарятся русские антисемиты, в повести Ерашова тоже присутствует... Просто какая-то дешёвая мистика.

* * *

А тема депортации до сих пор жива. Её не сдали в архив. Восьмого июля 2009 г. о ней, как о детально подготовленной операции, докладывала некая ифлийка Лунгина, главная и единственная героиня скучнейшего и бесконечно-документального сериала “Подстрочник”. Через полгода (в январе—феврале 2010 г.) фильм был ещё раз показан по “Культуре”, а в конце 2009 г. монологи Лунгиной вышли отдельной книгой. Прошу прощения у читателей за длинную цитату из этой книги, но привести её совершенно необходимо.

“После “убийц в белых халатах” кампания против евреев приняла совсем другие масштабы. Мы не только потеряли право работать, но оказались выброшены из жизни, **которая до сих пор была нашей.** (! — выделено мной — Ст. К.)

Был такой академик Минц, придворный специалист по истории партии. От его дочери я узнала, что он пишет письмо Сталину. В этом тексте, который должны были подписать самые известные евреи, они признавали преступления, совершённые их собратьями против русского народа и социализма, и просили разрешения их искупить. С другой стороны, мне рассказывал приятель, журналист Семен Беркин: он готовил репортаж из Сталинграда — рабочие тракторного завода единогласно проголосовали за принятие резолюции о всеобщей депортации евреев (! — Ст. К.). А Леня Агранович и Сеня Листов, наши друзья-драматурги, как-то раз придя к нам на ужин, рассказали, что они написали для Театра Советской Армии пьесу, которую с энтузиазмом приняли, но когда завлит пошёл к директору театра с вопросом, какой гонорар им выплатит (обычно это было от пятнадцати до двадцати тысяч рублей “старыми”), то директор — генерал Паша его звали — ответил: “Выписывай три, им хватит”. Завлит изумился, а генерал пояснил: “По полторы тыщи на месяц вполне достаточно, а потом их посадят по вагонам и отправят в Сибирь”.

Тогда же мы получили и другое свидетельство того, что нас ждёт. Служил в Симином театре зав постановочной частью Додик Левит. Он во время войны работал в ансамбле МВД, возил его на фронт, и теперь продолжал иногда организовывать выступления актёрских бригад в армии. Он рассказал Симе, что недавно поехал на такую гастроль в Восточную Сибирь, в большую глушь, — к слову сказать, с Юрием Любимовым, который выступал в этих концертах как актёр и чтец. И в какой-то момент лётчик ему сказал: “Подойдите-ка сюда. — Тогда маленькие самолёты летали. — Посмотрите внизу, видите?” И показал такие большие, в виде букв поставленные бараки. Каждые восемь-десять метров гряда бараков, в виде буквы “Т”. Он говорит: “А это ведь для вас построено”. Додик Левит, как вы понимаете, еврей был. “Что значит “для нас”?” — “А это вас туда вывозить будут. Есть уже постановление правительства”.

Евреев выгоняли из ЦК, из Моссовета, из горкома и райкомов, из госбезопасности, министерств, из газет, научных институтов, университетов.

Как-то раз Сима пошёл в домоуправление за какой-то справкой, и сидевшая там делопроизводительница не без злорадства, но как бы по-дружески сказала: “Вот видите списки? Вот нас заставляют здесь сидеть по вечерам и их дополнять и дополнять. Это списки ваши”. Сима говорит: “В каком смысле “наши”?” — А ваши, вот вас высылать будут. Здесь написано, кому куда, на какой вокзал”.

Уже говорили о том, как именно произойдёт выселение евреев. Сталин выступит и скажет: чтобы спасти еврейский народ от справедливого гнева рус-

ских, его надо удалить из больших населённых пунктов, где он контактирует с другими евреями, поселить отдельно, изолированно, что это гуманный акт во имя спасения евреев. Говорили, что размечены вокзалы, какие подаются составы, когда, в котором часу, какие автобусы (! – Ст. К.), что можно брать (не более 15 кило), – в общем, эти разговоры всё время вертелись, вертелись, и, конечно, жить с этим было крайне трудно. В этот период, между прочим, начались первые отъезды в Израиль. Которые были сопряжены с невероятно скандальными историями, но кто-то всё-таки вырывался, и перед всеми встал вопрос: не единственный ли это путь спасения? Но вместе с тем не дадут уехать, растопчут. Это обсуждалось в каждом доме, где были евреи. Это висело, как чёрная туча над городом.

Я ни минуты не сомневаюсь – и это понимали все, кто жил в то время, – что если бы Сталин не умер, то, несомненно, евреев бы вывезли”.

И вот эту лживую ахиною, рождённую слухами, сплетнями, воображением зомбированных людей (или профессиональных провокаторов), давным-давно отвергнутую и высмеянную честными историками и мемуаристами, сегодня с какой-то подлой целью воскрешают и возносят до небес многие известные деятели культуры:

“История жизни Лилианны Лунгиной, рассказанная ею самой, – это, пожалуй, самое сильное моё художественное впечатление за все последние годы”.

Борис Акунин, писатель

“Фантастическая жизнь Лунгиной и её изумительный рассказ об этой жизни сокрушительно свидетельствуют: всё, что останется от страшного русского двадцатого века, – это культура”.

Леонид Парфёнов, телеведущий

“Подстрочник” завораживает в первую очередь безмерной талантливостью и исключительной честностью своей героини <...> великолепной памятью и благородством гражданских и человеческих позиций, вызывает самое горячее чувство благодарности и преклонения”.

Эльдар Рязанов, кинорежиссёр

Миф о “депортации” оживает на глазах. Хотя, как говорится, “рукописи не горят”, но в истории есть факты тотального уничтожения всяческого рода секретных документов. Вспомним хотя бы, как в середине 50-х годов в архивах ОГПУ-НКВД были уничтожены почти все документы, подтверждавшие причастность Н. С. Хрущёва к репрессиям 30-х годов. С трудом, но можно предположить, что такая же судьба постигла громадное количество документов, касающихся сталинского плана депортации всех евреев Советского Союза (ведь глупо же было депортировать только московских евреев) в места не столь отдалённые.

Но куда делись сотни тысяч людей, готовивших эту небывалую в истории человечества по масштабам операцию: все энкавдешники, все домоуправы и дворники, готовившие списки, все железнодорожники, должные подготовить и подать составы ко всем крупнейшим вокзалам страны, все машинистки, печатавшие приказы, списки и распоряжения, все экономисты и хозяйственники, от которых зависело финансовое и продовольственное обеспечение операции, все милиционеры, обязанные поддерживать порядок в такого рода гигантском действе, все взрывники, готовившие взрывы поездов на пути следования, все пропагандисты, получившие задание обеспечить “правильное” освещение операции всемирно-исторического размаха, все гражданские и военные лётчики, летавшие над тайгой и, ничего не тая, рассказывавшие своим пассажирам, что за бараки строятся там внизу в тайге, и болтливые стюардессы, которые это всё видели... А если ещё вспомнить, что у всей этой “армии”, задействованной для депортации, были семьи, которые не могли не знать о ней? Одним словом, чтобы вывезти в места не столь отдалённые несколько миллионов евреев, нужно было привлечь к этому делу столько же или даже много больше исполнителей и собрать в одну ночь, как чеченцев, эти несколько миллионов, рассеянных по всей стране, и загнать в несколько тысяч товарных составов...

Если верить Лунгиной, Ерашову, Ваксбергу и прочим “историкам”, то к марту 1953 года всё было готово, отлажено, организовано. Оставалось только ждать команды. Но Господь дал другую команду, и Сталин умер. А через 3 го-

да состоялся знаменитый по своей авантюрной лживости доклад Хрущёва на XX съезде, где он не постеснялся заявить, что генералиссимус воевал “по глобусу”, но ума у нашего Никиты хватило не включить в список сталинских преступлений дело о депортации. Видимо, понял, что полным дураком выставить себя негоже.

Но куда за эти 3 года – с 53-го по 56-й – подевались миллионы “разработчиков” и “исполнителей” сталинского депортационного плана? Но куда делись документы, касающиеся депортации поголовно всех евреев со всех необъятных просторов советского государства? В европейской юстиции сейчас принято судить историков за “отрицание” Холокоста и даже за “умаление” его масштабов, то есть, с точки зрения жрецов Холокоста, “за отрицание исторической правды”. Но если сделать этот принцип универсальным, то надо судить и за “утверждение исторической лжи” о депортации. Но кого судить? Лунгина с Ерашовым и Булганиным уже подпали под юрисдикцию Божьего Суда. Ваксберг стар, и подобно девяностолетнему Демьянку, служившему в Освенциме, может быть оправдан по возрасту и состоянию памяти. Остаётся предъявить иск за фальсификацию истории создателям телефильмов о депортации, руководителям телеканалов, демонстрирующих эти кино- и телефальшивки, директорам издательств, издающим лживые книги... Миф о Ванзейской конференции, об “окончательном решении еврейского вопроса” оказался куда слабее нашего дожившего аж до XXI века мифа о депортации.

В 2005 г. в Центрполиграфиздате вышла книга телеведущего Леонида Млечина “КГБ”. В ней есть глава, посвящённая депортации, написанная так, как будто Млечин сначала посмотрел ваксберговский фильм, а потом пересказал его содержание. Словом, сплошной плагиат. *“После приговора планировались публичные казни. Булганин позже рассказывал сыну профессора Этингера (а сын профессора Этингера, видимо, “рассказывал” Л. Млечину. – Ст. К.), что осуждённых намеревались казнить прямо на Красной площади.*

Булганин рассказывал о том, что евреев предполагалось выслать из крупных городов, причём на эти товарные поезда планировалось нападение “негодующих толп” (стр. 354).

Дальнейшие рассуждения Млечина похожи на вымыслы о соображениях и поступках Сталина из книг Волконогова, Ерашова, А. Рыбакова: *“Сталин избегал ставить автографы на сомнительных документах, или писал резолюцию на отдельном листке бумаги, который подкалывал к документу. Он думал (так “думает” “историк” Млечин. – Ст. К.), что листок потом выбросят, а документ будет храниться всегда. И ошибся: при всей своей опытности, знании делопроизводства, всей этой аппаратной жизни он не сообразил (а чего тут соображать? – Ст. К.), что никто, а тем более Маленков, не решится выбросить лист бумаги со словами Сталина. Вот почему некоторые его резолюции всё-таки сохранились”/ (Л. Млечин намекает о неких “резолюциях”, касающихся депортации евреев. Но где они? Почему он не цитирует их?)*

Голубая мечта жрецов Холокоста заключается в том, чтобы вмонтировать в европейскую катастрофу события из российской и советской истории и тем самым увеличить масштаб мирового “антисемитского пространства”, присовокупить к нему погромы царского времени, погромы гражданской войны, при умолчании о том, что все они случались в Молдавии, в Белостоке, на Львовщине, в петлюровском Киеве. Всё равно виновата Россия как правопреемница СССР, а СССР виноват как правопреемник Романовской империи. Кульминация этого растянутого во времени плана – убедить весь мир в том, что Россия, подобно гитлеровской Германии, была готова осуществить грандиозное преступление, которое явилось бы российско-советским венцом Холокоста – депортацией всех евреев в лагеря Сибири и Дальнего Востока на верную гибель.

Два фильма – о Ванзейском заговоре и о Депортации – две части дьявольского плана. Сначала рассказ о Ванзее, где если и не принималось решение об истреблении европейского еврейства, то решение о депортации на завоёванные советско-сибирские пространства принималось уж точно. Даже “ревизионисты” с этим согласны. Но план, принятый в начале 1942 года, из-за последующих военных поражений вермахта сорвался. Гитлеровская депортация не удалась. Однако на смену гитлеровскому плану пришёл сталинский.

На смену фашистской депортации была якобы разработана советская, как её продолжение. И только смерть Сталина помешала продолжить ему политику расистского рейха, что и требовалось доказать в подлые 90-е годы. И почти доказали, если вспомнить, что Швыдкой решился сделать телепередачу под названием “Русский фашизм хуже немецкого”

Меня могут упрекнуть: Станислав Юрьевич! Вот Вы, воюя с мифом о депортации, ссылаетесь на Рекемчука, Ерашова, Ваксберга, Млечина, Швыдкого... Но ведь это всё сочинители, фантазёры, писатели, творческие натуры, люди воображения. С ними расправиться легко. А что говорят о тех же самых исторических сюжетах серьёзные исследователи, люди науки, достойные доверия?

Я сам не изучал обстоятельств этой исторической драмы и потому приведу несколько отрывков из книги “Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм” историка Р. В. Костырченко Из главы, которая называется “Миф о депортации”.

“Наряду с тем, что в последнее время в международном общественном мнении фактически произошло оправдание супругов Розенберг от инкриминированного им в своё время судьёй И. Кауфманом обвинения в участии в “дьявольском заговоре уничтожения богобоязненного народа” США, отживает свой век и другая легенда времён холодной войны: вошедшие сначала в публицистику, а потом и перекочевавшие в научные издания “неопровержимые” данные о планировавшемся якобы в СССР насильственном и повальном выселении евреев в Сибирь. Утверждается, что эта акция, уже детально подготовленная – по всей стране домоуправлениями и отделами кадров предприятий – были вроде бы составлены миллионы листов списков евреев (ни один из этих списков потом так и не был найден), намечалась Сталиным на март 1953-го, но в последний момент она сорвалась из-за смерти диктатора. Говорят также, что депортация будто бы должна была сопровождаться публичным повешением “врачей-вредителей” на Красной площади в Москве и массовыми казнями евреев в других крупных городах страны, а также специальными организованными властями крушениями составов с евреями на пути их транспортировки в концлагеря по Транссибирской магистрали, кстати, единственному и потому стратегическому железнодорожному пути, связывавшему центр с Дальним Востоком. Причём, по версии авторов этих холодающих душу сценариев, пригодных разве что для постановки триллеров, устраивать диверсии на железной дороге, а также творить самочинную расправу над депортируемыми должны были сформированные властями летучие отряды “народных мстителей”¹. Единственным “документальным” подтверждением этих фантазий служит напечатанный сначала в США (“Еврейский мир”, N. Y., 11.03.99), а потом и в России (“Известия”, 9.01.01) и отмеченный всеми признаками примитивно сработанного фальсификата фрагмент письма еврейской общественности советскому руководству с просьбой защитить евреев от вызванного “преступлениями врачей-убийц” “справедливого” гнева советского народа, направив их “на освоение... просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера”. Опубликовал этот материал, снабдив его невразумительным пояснением, Я. Я. Этингер, сильно претерпевший в своё время от сталинских репрессий” (стр. 671–672).

“Нельзя не учитывать и такой достаточно весомый антидепортационный аргумент, заключающийся в том, что, несмотря на тотальное предание гласности после августа 1991 года всех самых секретных политических архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась её подготовка (в том числе пресловутые сотни тысяч страниц списков евреев на выселение). Если бы нечто похожее существовало в действительности, то непременно бы обнаружилось, как это произошло со многими другими утаёнными советским режимом секретами”.

¹ Не упоминает о подобных планах в своих мемуарах и такой яростный обличитель сталинских преступлений, как Н. С. Хрущёв. Из приближённых Сталина только Н. А. Булганин, выйдя на пенсию, любил после изрядного возлияния поведать своим собеседникам, разумеется, “по большому секрету”, о том, как Сталин поручал ему подготовку и осуществление депортации евреев (Г. Костырченко, стр. 680).

“Л. А. Шатуновская – непосредственная участница описываемых событий... приводит распространённые тогда слухи, что в Сибири уже строились бараки, а также готовились товарные вагоны для ссыльных”.

“Отсутствие фактов, подтверждающих эту версию, в комментарии компенсируется публицистическим пафосом, полунамёками, противоречивыми туманными рассуждениями”.

“По сведениям, сообщённым автору одним из руководителей Еврейского университета в Москве М. С. Куповецким, который специально исследовал этот вопрос по материалам архива Министерства путей сообщения СССР, документами этого архива ничего подобного не подтверждается”.

“Легендарный советский чекист П. Судоплатов комментировал в своих мемуарах эту ситуацию так: “Если подобный план действительно существовал, то ссылки на него можно было бы легко найти в архивах органов госбезопасности... Я считаю, что речь идёт только о слухе...”

Негласный информатор госбезопасности И. В. Нежный, известный театральным деятелем тех лет, по словам Костырченко, “в последующие годы вплоть до своей смерти в начале 70-х годов продолжал широко делиться своей версией о планах Сталина в отношении евреев в начале 1953 года. Может быть, поэтому предположение о готовившемся Сталиным переселении евреев в Сибирь переросло со временем для многих в реальное и вполне доказанное намерение”.

“Ни одного документа, ни одного решения, ни одного доказательства о якобы готовившемся и уже подготовленном (на уровне списков, имевшихся у дворников!) переселении всего советского еврейства в сибирские лагеря не найдено ни в одном архиве”.

Даже такой защитник постулатов Холокоста, как Альфред Кох, в книге об Освенциме не хочет уподобляться Ваксбергу и выглядеть идиотом или провокатором и, подобно Костырченко, соглашается с доводами здравого смысла:

“Такую фальсификацию устроить невозможно, невозможно даже теоретически. В ней должны были участвовать сотни тысяч людей. Причём среди них априори обязательно попадутся люди (и много), которые никакой симпатии и жалости к евреям не испытывают. Так какие же должны быть аргументы, чтобы убедить их участвовать в этом вселенском обмане?” (стр. 332).

Сказано категорически и даже несколько легкомысленно, что может быть объяснено искренним признанием автора: “Я, Альфред Кох, вопреки общепринятому мнению, являюсь наполовину немцем, наполовину русским, а не евреем”. Может быть, поэтому автор позволил себе такую обидную для жрецов Холокоста прямоту и даже некоторую вспылчивость в комментариях к одному из основных мифов.

Книга Г. В. Костырченко общепризнанна как объективное исследование “еврейской темы” в сталинскую эпоху. Она была опубликована в 2001 году издательством “Международные отношения” (Москва) в рамках проекта “Библиотека Российского еврейского конгресса”. На шмуцтитуле увесистого тома выражена “признательность Еврейскому конгрессу за финансовую поддержку издания этой книги”. На это издание имеется немало ссылок в книге апологетов Холокоста А. Коха и П. Поляна. Так что прошу Ваксберга, Млечина, Рекемчука поверить книге Костырченко: ведь в неё вложены еврейские деньги. А евреи на бесполезные проекты денег не тратят...

(Продолжение следует)